

Актуальные проблемы экономической теории

Институциональные факторы долговременного экономического роста*

© Г.Б. Клейнер, 2000

В статье исследуются некоторые институциональные и ментальные факторы, определяющие характер социально-экономической динамики России, предлагаются гипотезы, объясняющие генезис этих факторов, а также рекомендуются меры по институциональной коррекции этих факторов на микроуровне. Раскрывается роль предприятия как формы организации общественного производства в системе формирования институциональных предпосылок стабильного экономического роста.

Россия, XX век: время реформ

Одна из идей, окончательно, по-видимому, оформившихся в экономической теории к концу XX века, состоит в том, что тенденции эволюционного социально-экономического развития общества определяются не столько соображениями текущей выгоды тех или иных групп или индивидов, сколько общественными институтами – закрепленными в сознании и в организационных формах устойчивыми традициями и норма-

ми, соответствующими ментальным особенностям населения (Норт, 1997). Достижение выгоды для влиятельных групп способно на некоторое время изменить траекторию движения, однако впоследствии она возвращается к избранному однажды образу. Социально-экономические реформы XX века в России подтверждают этот вывод. Каждая из наиболее крупных реформ нынешнего столетия была связана с временным доминированием тех или иных влиятельных сил общества, но сквозная линия

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 99-06-80034

движения отражала постоянный поиск институционального устройства России, в наибольшей степени отвечающего глубинным особенностям общественного и индивидуального сознания.

Чтобы осмыслить феномен последнего десятилетия реформ в России, необходимо расширить временные рамки анализа, понять степень уникальности этого периода или общности с другими. Несмотря на всю значимость проходящих сейчас в России реформ, их нельзя рассматривать как уникальное явление в российской истории XX века. Если рассмотреть развитие России в XX веке, то мы увидим целый ряд более или менее равномерно расположенных во времени крупных дискретных преобразований, результаты которых распространялись потом на десятки лет вперед. К ним относятся:

1905 – «малая» социалистическая революция, начало столыпинских реформ по «капитализации» сельского хозяйства России;

1917 – Великая Октябрьская Революция, начало интенсивного строительства социализма в России;

1929 – «великий перелом», переход на централизованное пятилетнее планирование;

1941 – переход на рельсы военной инновационной экономики;

1947 – отмена карточек на товары, введение неограниченного денежного обращения, денежная реформа;

1957 – отмена отраслевого и введение территориального управления экономикой;

1965 – косыгинская реформа деятельности предприятий, введение хозрасчета,

учреждение фондов экономического стимулирования

1979 – «Вторая косыгинская» реформа управления экономикой, создание системы долгосрочного, многоэтапного и комплексного планирования на основе экономических нормативов;

1991 – либерализация цен, внешней торговли, приватизация, начало интенсивного строительства капитализма.

Видно, что крупные преобразования проходили в России примерно каждые 12 лет, с некоторым временным сжатием во время войны с Германией 1941-1945 гг. (когда даже официально один год для фронтовиков приравнялся к трем)¹.

Если же говорить о мегатрендах, то круг, в начале которого стоит строительство капитализма в России, предпринятое на рубеже XIX и XX веков, завершается строительством в России капитализма на рубеже XX и XXI веков.

Вглядевшись в экономический характер реформ, то можно увидеть в них постоянную борьбу нескольких крупных идей-антитез:

- централизация/децентрализация управления (что является объектом, единицей экономического регулирования и управления – регион, отрасль, предприятие и др.);
- натуральное/денежное восприятие экономических затрат и результатов деятельности (аспект рассмотрения объектов регулирования и связей между ними);
- план/рынок (каким методом осуществлять регулирование – «механистическим» или «органическим»);

¹ Заметим: отсюда вытекает, что 2002 г. – кандидат в годы очередной крупной экономической реформы.

- локальная/глобальная эффективность (какова цель регулирования – добиваться эффективности в каждом объекте в каждый период или ориентироваться на обобщенные показатели).

Например, реформа 1957 г. в качестве основного объекта макрорегулирования определила регионы (вместо отраслей), реформа 1965 г. установила стоимостной подход к оценке деятельности предприятия, и т.д. Каждую реформу можно охарактеризовать с помощью этих координат.

Поэтому говорить о необратимости рыночных преобразований в России можно только в краткосрочном аспекте. В долгосрочном аспекте в России не бывает необратимых преобразований. По выражению Ю. Богомолова, «у нас нет четкой границы между историей и современностью. Герои вчерашних дней ... остаются действенными факторами нашей политической жизни» (Известия, 6 марта 2000 г.). Конечно, в результате преобразований необратимо меняются формы общественных отношений, но содержание преобразований сводится к смене ограниченного числа противостояний известных антитез.

Кризисный стиль общественного развития России

Каждая крупная реформа связана, как можно заметить, серьезным социально-политическим кризисом. Так, реформа 1965 г. непосредственно соседствовала со сменой власти в 1964 г., после реформы 1979 г. начался афганский кризис, не являются исключением и реформы последнего десятилетия. Были ли эти кризисы естественными

«кризисами выздоровления», после которых позитивные результаты реформ закреплялись в структуре общественных институтов? Ответ на этот вопрос чрезвычайно важен для понимания сути и перспектив российских реформ.

Социально-экономическое развитие каждой страны имеет свои отличительные особенности, свойства, закономерности, которые О. Шпенглер предлагал обобщенно характеризовать термином «стиль» (Шпенглер, 1998). Для России свойственен особый «кризисный» стиль общественного движения. В чем это выражается?

Кризисный стиль характеризуется тем, что противоречия общественного развития не снимаются вскоре после их обнаружения в результате корректировки избранного курса при сохранении его общей направленности, а сохраняются, развиваются, генерируя очередную «лжетенденцию», пока не приводят к очередному новому кризису. Символически такое движение можно представлять себе в виде пилообразной ломаной линии, пиковые точки которой соответствуют кризисным моментам перелома сложившихся микротенденций (Клейнер, 1999а).

В общественной истории России имеет место ярко выраженное последовательное отрицание практически каждого из когда-либо царивших в умах граждан общественных идеалов: определенные и общепризнанные на одном историческом этапе ценности (неважно, заимствованные или выработанные самостоятельно), ориентиры, цели на том или ином из последующих этапов подвергаются не только сомнению или забвению, но и категорическому отрицанию. Так было с идеалами самодержавия, об-

щинности, коммунизма. Так было с идеями укрепления централизации и расширения децентрализации экономического регулирования, соотношения между отраслевым и региональным видами регулирования экономики. Так было с идеями укрупнения и измельчения основных единиц сельскохозяйственного и промышленного производства. Каждый из этих тезисов однажды принимался на вооружение и потом заменялся на противоположный. Надо полагать, что такая же судьба рано или поздно постигнет и разделяемые в настоящее время подавляющим большинством российских граждан идеалы строительства рыночной экономики.

Характерным примером возвратно-поступательного процесса в сфере реформирования является приватизация. В начале 90-х годов приватизация считалась наиболее результативным средством повышения эффективности производства. За истекшие 10 лет процесс приватизации в России практически завершен: из 2,9 млн. хозяйствующих субъектов только 283,3 тысячи (т.е. меньше 10%) являются государственными или муниципальными. Однако эффективность производства остается крайне низкой. И вот уже начинают развиваться процессы антиприватизации. Сейчас их проявления носят еще не вполне оформленный характер: случаи национализации предприятий редки, однако весьма значительны процессы муниципализации предприятий и процессы отмены приватизационных решений.

В качестве конкретного примера можно привести ситуацию, сложившуюся на одном из московских заводов, выпускающих изделия из металла, пластмассы и дерева для оборудования квартир. Директор (и на-

иболее крупный реальный собственник) этого предприятия, активно развивающегося в настоящее время, рассказал, что «вырвать» его из рук собственников, получивших завод в ходе приватизации в 1992 г. и фактически распродавших его активы, удалось совершенно случайно. Юристы заметили расхождение в датах на некоторых приватизационных документах, которое, скорее всего, было результатом описки. Тем не менее именно благодаря этому обстоятельству в 1997 г. в суде удалось добиться признания решения о приватизации недействительным. Был задан вопрос: «Не может ли история повториться?» Ответ генерального директора: «Это вполне возможно, поскольку новая приватизация в 1998 г. также была проведена не совсем по закону!» Правда, в чем состояло незначительное по существу, но весомое с точки зрения закона нарушение, известно пока только нашему собеседнику.

Сегодня в России ведется множество судебных процессов, направленных на пересмотр решений о приватизации предприятий, причем значительная часть этих процессов формально связана с исками о признании предприятий банкротами. Следует ожидать широкого передела собственности, причем не рыночного типа, через фондовый рынок, а административно-криминального типа, через суды и непосредственное воздействие на собственников. Представляется, что даже решения о бесплатной приватизации занимаемой гражданами в 1991 г. жилой площади, скорее всего, будут пересмотрены: при желании можно будет найти те или иные нарушения закона в ходе жилищной приватизации. Нетрудно представить себе, какого рода бомба

замедленного действия спрятана в фундаментах наших домов!

Зубчатая линия общественного движения России с высокой амплитудой, в отличие от развитых стран Запада, разворачивается вокруг воображаемого тренда. Куда направлен этот тренд? Отражает ли он поступательное движение социума, деградацию или «застой»? К сожалению, определить направление и суть развития России можно только в те переломные моменты, которые общественное мнение характеризует как кризисы.

В этом смысле кризисы в России (если говорить о последнем десятилетии, то можно вспомнить кризисные ситуации 1991-го, 1993-го, 1994-го и 1998-го гг.) следует рассматривать не как автономные феномены, а как органическую часть процесса развития страны. Именно в моменты кризисов происходит изменение направления «вектора общественных ценностей», и именно по ориентации этих послекризисных изменений мы пытаемся восстановить общую «стрелу прогресса». Таким образом, каждый кризис в отдельности и все кризисы в совокупности следует рассматривать как своеобразное «зеркало русской эволюции».

Приходится сделать вывод, что движение общественной мысли носит возвратно-поступательный характер. Долгосрочная «тезаврация» общественной мысли, т.е. накопление ее в виде неизменно «ликвидных» достижений общественного сознания, в условиях России, так же как и долгосрочная тезаврация личных материально-денежных ресурсов, представляется недостижимой. Почему так происходит? Истоки и коренные причины такого способа социального движения можно искать в особенностях этническо-

го социокультурного менталитета, в свою очередь, обусловленного природными особенностями страны и ее положением в геополитической конфигурации.

Ментальные предпосылки кризисного стиля общественного движения

Истоки и коренные причины такого способа социального движения можно искать в особенностях этнического культурного менталитета. Известные культурологи Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский отмечают, что «специфической чертой русской культуры является ее принципиальная полярность... Основные культурные ценности ... располагаются в двуполосном ценностном поле, разделенном резкой чертой и лишенном нейтральной аксиологической зоны» (см. Успенский, 1994). Такая бинарность отличает в социокультурном плане Россию от стран Запада, сделавшего выбор в пользу трехзначной логики аристотелевского типа вместо двузначной платоновской и неизбежно ведет к «взрывному», по выражению Ю.М. Лотмана, характеру развития, при котором полюса общественно-ценностных диполей стремительно (в историческом плане – одномоментно) меняются местами. О ментальной неустойчивости в сходном смысле еще раньше писал И. Бунин: «Есть два типа в народе. Но и в том и в другом есть страшная переменчивость настроений» (Бунин, 1990). В этих условиях выход из очередного кризиса – это еще не стабилизация и даже не движение к ней, а пролог следующего кризиса. Предпосылки стабилизации и экономического роста

следует искать на более глубоком, институционально-ментальном уровне функционирования общества, группы, индивида.

Индивидуальное восприятие окружающего мира в виде бинарной ценностной структуры и соответствующее политическое кредо («кто не с нами, тот против нас»), создает ментально-идеологическую основу кризисного стиля и противостоит самой сути идеи эволюционного кумулятивного развития. Примеры этому многочисленны, но хочется упомянуть о ситуации в одной, достаточно близко известной автору сфере – в области экономической науки. Здесь происшедшая за несколько последних лет поляризация выглядит особенно тревожной. Группировка сторонников либерального неоклассического направления в экономической науке становится все теснее, и расстояние между ними и приверженцами консервативных научных идей институционалистского плана – все больше. Обширное пространство между ними слабо заполнено, хотя представляется несомненным, что именно здесь следует искать ответы как на фундаментальные вопросы экономической науки, так и на вопросы экономической злобы дня.

Желательный же эволюционный стиль движения может иметь место только при наличии промежуточной, «нормальной» зоны (Лотман, 1992). Именно здесь, в «средней» зоне, происходит непредвзятый (объективный) анализ ситуации, сепарация позитивных элементов и тенденций, закрепление достигнутого и формирование перспектив последовательного роста. Срединная зона общественного сознания служит хранилищем эволюционной исторической памяти, позволяющей не повторять прошлые ошибки. Полярность ментальной

культуры трудно совместима с исторической эволюцией.

Поэтому одной из главных задач поддержки стабилизации развития общества должна стать институализация новой социокультурной парадигмы с третьим, нейтральным, «нормальным» началом, существующим в виде достаточно широкого и самоценного общественного поля. Это и есть ментальное выражение идей «третьего пути», о которых в последнее время все чаще говорят в поисках выхода России из кризиса. Заметим, к слову, что именно на этом поле должна чувствовать себя «как дома» истинная российская интеллигенция, задача которой – удерживать российское общество в рамках «неполярных» институтов.

Следствием бинарной ментальности индивидуумов является соединение в каждом из субъектов в близких пропорциях элементов добра и зла при неустойчивом равновесии между ними. В древнегреческой мифологии существа с такими свойствами именовались «демонами». В российском обществе в целом, видимо, как и в каждом демоне, столько же зла, сколько и добра. Поэтому можно считать ошибкой признание Р. Рейганом СССР «империей зла». Более точным было бы назвать страну «империей демонизма».

При этом естественно, что развитие в России, как заметил культуролог и философ М. Эпштейн, само реализуется через противостояние тех или иных «демонов» (Эпштейн, 1999). На демона самодержавия был спущен демон большевизма, на него – демон перестройки, демон Ельцина будет сменен другим демоном. Период между двумя «демонами» у нас сравнительно невелик (и часто именуется «застоем»).

Возможно, что различие между результатами десятилетия реформ в России и в Китае, которое детально исследовал Дж. Стиглиц в одной из своих последних работ, (Стиглиц, 1999) коренится именно в глубоком несходстве культур этих стран, а именно, в бинарности и переменчивости российского культурного менталитета и целостности, монадности, устойчивости восточной ментальной культуры.

Исторические корни российской ментальности: возможное объяснение

В чем причина укоренения полярных черт в психологии российского этноса, сказать не легко. Вместе с тем, изучение данных о социально-экономических показателях и характере развития России за два последних века дает возможность высказать некоторые предположения. По результатам исследований Г.А. Гольца (Гольц, 2000) разрыв между уровнями сельскохозяйственного производства в урожайные и в неурожайные годы, в большинстве стран Европы находившийся в пределах 1,5 – 2 раз, в России, как правило, достигал 6-7 раз. Поскольку Россия была на протяжении большей части своей истории аграрной страной, это не могло не сказаться на ментальности ее жителей.

С другой стороны, для городской культуры, казалось бы, отличающейся большей преемственностью и эволюционным характером, мощным фактором нестабильности в России были пожары. Практически каждое деревянное здание в России (а таких было до начала XX века подавляющее большинство) подвергалось разрушитель-

ному пожару в среднем один раз в 30 лет. Это означает, что имущество каждого из поколений большинства семей утрачивалось еще при жизни этого поколения.

В итоге в сознании людей зависимость между вложенным трудом и его результатами оказалась размытой. «От трудов праведных не наживешь палат каменных» – гласит одна из наиболее популярных отечественных поговорок. В какой-то степени данный феномен объясняет целый ряд важных психологических особенностей населения. В мире, где результат не зависит от вложенных усилий, можно, условно говоря, представить себе два возможных способа действий: один – чисто религиозный, опирающийся на безоглядную веру в милосердие Бога («будет день, будет и пища»), другой – чисто криминальный: использовать для себя то, что является результатом затрат труда другого субъекта. Ведь если зависимость результата от затрат случайна, то и принадлежность его также может быть поставлена под сомнение! В своем экстремальном выражении первый путь ведет к юродству, второй – к преступлению.

Бинарная ментальность сказывается не только на принятии текущих социально-экономических решений, но и на результатах метаконкуренции институтов. В результате основополагающие общественные институты также носят бинарный характер.

Итак, экономическая история России – цепь повторяющихся в своей сути событий. По выражению писателя М. Задорнова, история России укладывается в формулу «храм – бассейн, бассейн – храм» (имеется в виду строительство и разрушение Храма Христа Спасителя в Москве и плавательного бассейна на его месте).

Следует ли отсюда, что Россия обречена на бег по кругу и ей никогда не выйти на уровень развитых стран Европы и Америки? По нашему мнению, экономические предпосылки для будущего развития России заложены в ее гигантском социально-экономическом потенциале. Три основные компоненты определяют, на наш взгляд, этот потенциал. Во-первых, богатые природные ресурсы России, особенности ее географического положения, во-вторых, высокий интеллектуально-нравственный и творческий уровень населения и в-третьих – исключительная адаптивность как российского общества в целом, так и отдельных его индивидов, возможность общественного и индивидуального приспособления к самым тяжелым условиям жизни (более подробно потенциал России рассмотрен в книге (Путь в XXI век, 1999).

Казалось бы, наличие такого потенциала позволяет России не только рассчитывать на обладание, но и реально обладать достаточной экономической мощью и соответствующим уровнем жизни. На деле это, однако, далеко не так. Социально-экономический потенциал (кроме, разве что, последнего его вида) остается неиспользованным.

Причина состоит в том самом «возвратно-поступательном» характере общественного движения, обусловленном бинарной ментальностью большей части населения России. С одной стороны, эта особенность развития укрепляет адаптивные качества населения, с другой – препятствует использованию двух первых компонент потенциала.

Для того, чтобы изменить сложившуюся за долгие годы тенденцию, необходимо изменить само содержание и целевую ориентацию реформ. Всемирная поддержка должна

быть оказана созидательным инициативам, базирующимся на развитии объектов реального сектора экономики. При этом упор должен быть сделан не столько на проектное, сколько на объектное инвестирование, поскольку именно в объектном развитии заключен потенциал поступательного движения экономики. Если в начале перестройки, казалось, основная задача – «разбрасывать камни», то теперь необходимо «собирать камни», т.е. создавать структуры и институты, направленные на изменение общественного сознания в плане перехода от полярной, двузначной, переключательной логики оценок к трехзначной, эволюционной логике оценок, дополненной эффективными функциями социально-экономического анализа и памяти. Понятно, что эта задача носит весьма долгосрочный характер, однако ее решение необходимо для создания предпосылок будущей эффективной экономики России. Полярность российского общественного менталитета делает реформы неустойчивыми, не позволяет эффективно наращивать позитивный опыт. Необходим социальный слой, который стал бы носителем новой социокультурной парадигмы, отражающей более содержательную логику оценок, расширение нормальной, средней полосы между крайними оценками. Именно в этом, как представляется, состоит в России историческая миссия так называемого «среднего класса».

Бинарная ментальность и средний класс

Средний класс в социологических исследованиях иногда определяют как «экономически самостоятельный социальный субъект,

способный выступать в качестве основного налогового донора, внутреннего инвестора экономики и стабилизатора политической жизни» (Авраамова, Овчарова, 2000). Какие же люди являются представителями этого социального субъекта? Далее в цитированной работе выясняется, что основу среднего класса составляет «статистически значимый слой, представители которого сумели использовать различные стратегии адаптации для достижения устойчивого и достаточно высокого уровня жизни», а затем становится ясным, что критерий отнесения к данной группе – «индивидуальный месячный доход» (Авраамова, Овчарова, 2000). На наш взгляд, такое выделение среднего класса вызывает большое сомнение. Вряд ли эти люди, обладающие столь высокой гибкостью, которая позволила выдержать даже финансовый кризис 1998 г., смогут обеспечить поступательное движение общества и удерживать его от экстремальных движений; скорее всего, они не станут всерьез противодействовать экстремизму, рассчитывая на свои адаптивные возможности.

По нашему мнению, критерий отнесения к среднему классу должен быть иным. Истинный средний класс образуют не граждане, обладающие средними в масштабах страны доходами и не налоговые доноры. Представитель среднего класса – это человек, отличающийся чувством ответственности, стабильными, взвешенными взглядами и определенными нравственными устоями.

В настоящее время такая социальная группа (а тем более – класс) в России надлежащим образом не оформилась, ее потенциальные члены, как правило, не поль-

зуются достаточным авторитетом в массах и не достигают желательного уровня в общественной иерархии, о чем ярко свидетельствуют думские выборы 1999 г. Причины этого коренятся не только в характере ментальных социокультурных особенностей населения, но и в сложившейся в 90-е годы системе распределения доходов. Большинство потенциальных представителей среднего класса в России – интеллигенция – средний промышленный менеджмент, врачи, учителя, ученые, работники культуры – по сути дела оказались у черты бедности, что в сегодняшних условиях не позволяет им рассчитывать на значимую роль в формировании общественного сознания и коррекции индивидуального менталитета.

Часто можно встретить утверждение, что средний класс образуют средние и мелкие предприниматели. На самом деле в условиях России этот класс не может быть составлен из предпринимателей – людей зачастую авантюристического склада, склонных к риску, тесно связанных с теневой и криминальной частью экономики. Основой среднего класса в России должны стать люди, наделенные как самостоятельностью, так и определенной основательностью мышления наряду с исторической и культурной памятью.

Формирование среднего класса – это не только социально-политическая, но и экономическая задача. Ее решение возможно лишь на институциональной основе. Должны существовать институты поддержки и воспроизводства этой группы в составе населения, система продвижения и распространения среднего класса в различных подразделениях народного хозяйства, уважительное отношение к этим людям в обществе.

Какая же подсистема социально-экономической структуры общества может стать генератором таких институтов? Этот вопрос чрезвычайно важен для долгосрочной ориентации реформ.

Первым и естественным кандидатом на эту роль является государство.

Однако отношения между населением и государством сейчас безнадежно испорчены. После пустых приватизационных обещаний, многочисленных случаев невыплаты заработной платы работникам бюджетных организаций, финансовых афер, банковских кризисов, установления униженно низкого уровня минимальной оплаты труда доверие населения к государству в значительной мере утрачено. Со своей стороны, как показывают ход и итоги президентских и думских выборов второй половины 90-х годов, государство рассматривает население преимущественно как объект манипуляций. По сути дела отношения общества и государства можно выразить все той же бессмертной пушкинской фразой: «Народ безмолвствует...». По мнению Р. Рывкиной, на протяжении всех лет реформ государство постепенно превращалось из «фактора порядка» в «фактор дезорганизации» (Рывкина, 1999). В экономической сфере это находит адекватное выражение в коррупции, массовом нецелевом использовании бюджетных средств и т.п.

Состояние государства, конечно, не является константой. Само по себе оно – лишь часть страновой структуры верхнего уровня, которую можно описать в виде треугольника: «общество – государство – экономика». Общество может влиять на государство, «воспитывать» его; то, в свою очередь, регулирует «правила игры» и расстав-

ляет приоритеты в экономике; последняя непосредственно влияет на изменение уровня жизни общества. Можно легко проследить и характер обратного взаимодействия между элементами этого треугольника: от государства к обществу и от общества к экономике. Однако в данном состоянии государства возможности и эффективность его воздействия на ментальные основы общества, как представляется, практически отсутствуют.

Искать такие возможности, по нашему мнению, следует в составе третьего элемента триады «общество, государство, экономика» – в экономике. В первую очередь следует обратить внимание на хорошо известный и существующий уже в течение многих веков организационно-экономический институт, по самому своему статусу призванный осуществлять упорядоченную во времени и в пространстве, скоординированную и целенаправленную деятельность, в рамках которой корректируется и стабилизируется поведение и, следовательно, в какой-то мере – менталитет участников. Речь идет о предприятии.

Предприятие как фактор институциональной стабилизации

По нашему мнению, в современных условиях именно производственные предприятия могут стать инкубатором социокультурных норм, смягчающих поляриность индивидуального менталитета российских граждан. Для обоснования таких надежд следует более внимательно рассмотреть роль предприятия в системе взаимных ожиданий общества (см. Клейнер, 1997).

Предприятия генерируют во внешнем мире не только товарные потоки и спрос на факторы, но и институциональные потоки формальных и неформальных взаимных обязательств и взаимной ответственности, которые связывают физических и юридических лиц и служат как бы институциональной соединительной тканью экономики. Такие институты, как взаимная координация деятельности, дисциплина, отношения «начальник-подчиненный», эргономические институты, личные и коллективные обязательства, ответственность за свои поступки и многие другие институты демократического управления формируются для каждого нового поколения именно предприятиями. Они же и поддерживают эти институты на протяжении жизни поколений, включая выход на пенсию по возрасту. Здесь закрепляются приемы коллективного решения производственных и управленческих задач, идет накопление производственного и управленческого опыта. Работа на производственном предприятии по возвратно-поступательному принципу «шаг вперед – два шага назад» попросту невозможна. На предприятии идет постоянное накопление производственных навыков и опыта и снижение затрат за счет наработки такого опыта. Иными словами, сама суть предприятия предполагает наличие устойчивых форм социальных отношений и индивидуального поведения. Кроме того, если коллектив предприятия представляет собой относительно изолированную самоуправляемую группу и функционирует в нецентрализованной экономике, то к нему относятся выводы А. и Л. Бенамов относительно стабильности коллективных решений в таких группах (Beenham, Keefer, 1991; Бенам, Бенам, 1999).

Хорошо известно, что свою потоковую функцию предприятия исполняют за счет концентрации и интеграции в пространстве и стабилизации во времени материальных, трудовых и информационных производственных ресурсов. Такую же концентрационно-интеграционную функцию предприятия исполняют по отношению к институтам – одному из важнейших ресурсов функционирования общества. В определенном смысле предприятие можно рассматривать как микромодель государства в целом, и практически все институты, существующие внутри государства, проецируются на внутрифирменный уровень.

По мере работы предприятия, многократного повторения отдельных операций и их групп, связанных с производством и реализацией продукции, с воспроизводственными процессами, формируются собственные, присущие только данному предприятию устойчивые комплексы ролевых отношений, т.е. по существу институты (Гребеников, 1998). Эти «микроинституты» касаются как технологии производства, так и технологии управления и определяют реакцию предприятия в целом на изменение внешних факторов. Они упрощают и удешевляют работу предприятия, позволяя ограничиться во многих случаях стандартными реакциями, т.е. рутинными в терминологии Нельсона и Винтера (Нельсон, Уинтер, 2000). Внутри предприятия образуются «цепочки взаимодействия», результатом которых являются своеобразные производственно-хозяйственные полуфабрикаты – части продукции или группы операций, подлежащие дальнейшей комплектации или дополнению. Такие цепочки сохраняются, даже когда тот или иной работник покидает

предприятие. Для этих цепочек характерны определенные взаимоотношения между людьми, а в случае, когда в цепочках большая роль принадлежит техническим системам – отношения людей к соответствующей технике, другим материальным активам. В конечном счете совокупность таких микроинститутов-рутин и образует идентичность предприятия, служит дискриминирующим фактором сущностного различения отдельных предприятий.

Вопрос о том, может ли предприятие, будучи по своему главному назначению чисто производственным институтом, порождать новые социальные нормы, способствующие преодолению полярной ментальности, тесно связан с вопросом об идентичности предприятия – наличии у предприятия индивидуальных особенностей, сохраняющихся на протяжении его жизненного цикла.

Такие базисные особенности, которые не меняются существенно при относительно незначительных изменениях состава активов предприятия, коллектива работников, администрации предприятия, структуры распределения собственности, можно объединить, пользуясь «системой взглядов, применяющейся для изучения живых существ» (Перотто, 1990, с. 14), понятием «душа» предприятия. «Душа» предприятия – внутреннее единое неповторимое духовное начало, придающее активность и целенаправленность деятельности предприятия, обеспечивающее его стремление к гармоничному функционированию и развитию. Проявлением «души» предприятия является внутренний климат, атмосфера, особенности взаимодействия с заказчиками и партнерами, реакции на внешние факторы, то, что объединяется термином «корпоративная культура».

Практически каждый сотрудник того или иного предприятия, проработавший на нем значительное время, ощущает и несет на себе некоторый специфический отпечаток – частичку «души» предприятия. Это выражается в особом видении и восприятии внутри- и внефирменной реальности, особой системе ценностей и т.п. Как показывает Ричардсон (Richardson, 1995), долгосрочный успех нового руководителя предприятия, приходящего в сложившуюся организацию, зависит не столько от того, в какой мере ему удастся построить отношения с собственниками, менеджментом или работниками, сколько от того, насколько ему удастся осознать и принять особенности «души» данного предприятия. Можно говорить о своеобразном резонансе «души» предприятия и души руководителя, а также душ работников и других участников производства. По наличию или отсутствию такого резонанса можно делать прогнозы эффективности работы предприятия под руководством данного индивидуума. Здесь следует заметить, что разрушение внутренних связей между предприятием и руководителем, вхождение экономики в стадию «экономики физических лиц» (Клейнер, 1996) – процесс, тесно связанный с разрушением «души» предприятия. Предприятие же без «души» представляет собой простую сумму составляющих, не дающую возможность извлекать синергические эффекты из соединения всех видов внутренних и рыночных ресурсов предприятия. Утеря «души» многими предприятиями – одна из важных причин плачевного финансово-экономического состояния предприятий в России.

По сути дела идентичность во времени предприятия как юридического лица опирается на признание существования «души» предприятия.

Введение в оборот понятия «души» предприятия позволяет поставить вопрос и о такой характеристике поведения предприятия, как нравственность. Этические нормы, регламентирующие нравственное поведение субъектов рынка давно обсуждаются в литературе. Однако признание одушевленности предприятий выводит этические характеристики предприятий из чисто функциональной, переменчивой сферы в морфологическую, более устойчивую. Через душевный резонанс предприятия в целом и его участников распространяются и нравственные характеристики их поведения.

Понятие «души» предприятия тесно связано с понятием его целостности. Длительное сохранение функциональной целостности предприятия способствует формированию относительно однородного по взглядам и характеризующегося взаимопониманием членов кадрового ядра предприятия, системы внутренних рутин, фирменной культуры и, в конечном счете, «души» предприятия. Целостность предприятия создает предпосылки для его конкурентоспособности, устойчивости функционирования при неблагоприятных изменениях во внешней хозяйственной среде. С другой стороны, если «душа» предприятия разрушается, под угрозой находится и его целостность.

Необходимым условием целостности предприятия является сбалансированность основных внутренних процессов и структур на предприятии, в том числе сбалансированность процессов маркетинга, производства

и воспроизводства, а также сбалансированность функционально-управленческой конфигурации предприятия – структуры распределения интересов, полномочий и ответственности во взаимоотношениях между основными действующими лицами (участниками) производства: собственниками, работниками, менеджментом, генеральным директором (Клейнер, 1999а). Первый вид сбалансированности можно условно рассматривать как функциональную сбалансированность, второй – как преимущественно управленческую. Отметим, что именно нарушение обоих видов сбалансированности стало отправной точкой кризиса российских предприятий последнего десятилетия (Реформирование..., 1998).

Цепочка прямых связей между обсуждаемыми понятиями выглядит так: одушевленность ® целостность ® сбалансированность. Справа налево убывает наблюдаемость понятий: если сбалансированность предприятия может быть проверена путем анализа статистических данных, целостность – установлена с помощью структурно-функционального анализа, то наличие и степень «одушевленности» могут быть выявлены только непосредственно, путем неформального анализа текущей ситуации и истории развития предприятия.

Здесь можно использовать следующий критерий. Степень «одушевленности» предприятия может быть проверена характером отношения его работников или клиентов к предприятию: если это отношение сродни межличностным отношениям, то предприятие можно считать «одушевленным». Если же для большинства участников отношение к предприятию как к некоему целому отсутствует, а заметны лишь отношения с кон-

кретными личностями, то степень одушевленности предприятия низка.

Является ли высокая степень одушевленности предприятия его безусловным рыночным достоинством? Ответ в общем случае зависит от типа рынка, который хотелось бы видеть в России. Если речь идет о социально-ориентированном рыночном хозяйстве, то степень одушевленности предприятий должна быть высокой. Одушевленные предприятия живее откликаются на внешние и внутренние сигналы, обладают большей «вменяемостью» в случае различных рыночных и внутрифирменных коллизий, выступают более равноправным партнером для всех участников деятельности, в том числе – работников предприятия.

Вместе с тем свобода действий для одушевленных предприятий ограничена по сравнению с другими, и в определенных ситуациях, характерных для «дикого» рынка, одушевленное предприятие уязвимо в большей степени, чем неодушевленное. Эта уязвимость зависит от распределения «души» предприятия внутри коллектива участников: если, скажем, «душа» предприятия сконцентрирована в его руководителе, то его болезнь, переход на другое место работы или просто подверженность экономическому или физическому насилию ставят под угрозу все предприятие в целом.

Вернемся теперь к проблеме социокультурной коррекции бинарной ментальности граждан. Предприятия, в высокой степени наделенные «душевными» характеристиками, оказывают сильное влияние на работников и клиентов и других участников, воздействуя на внутренний мир человека как путем функционального или управленческого взаимодействия, так и путем непосредственно-

го «душевного» контакта. Свойственный предприятию непрерывно продолжающийся более или менее регламентированный рыночно-производственный процесс, сложившаяся на предприятии микроинституциональная структура (рутины) через систему персонального участия соответствующим образом упорядочивают душевные движения работников и клиентов, стабилизируют их систему оценок. При этом чем выше степень одушевленности предприятия, тем выше перспективная возможность предприятия для резонансной коррекции ментальных свойств участников его деятельности. Соответственно, чем длиннее срок пребывания индивида в качестве участника работы такого предприятия, тем в общем случае выше степень его уравновешенности, тем менее вероятно принятие полярных решений экстремального типа.

Таким образом, в условиях слабости, непоследовательности и своекорыстия государства именно предприятие может сыграть ведущую роль в переходе к новой социокультурной парадигме, оказав тем самым в долгосрочном плане организующее воздействие и на государство в целом. Предприятие – то самое звено, которое может сейчас оказаться ключевым в формировании предпосылок для долгосрочного экономического роста.

В настоящее время на предприятиях накопилось множество функциональных и институциональных проблем, как существовавших до реформы 90-х годов, так и благоприобретенных. Чтобы оздоровить обстановку на предприятиях, восстановить их внутреннюю сбалансированность, целостность, а затем и надлежащую степень одушевленности, необходима целенаправ-

ленная скоординированная деятельность на всех уровнях экономики. Сейчас именно реформы на микроэкономическом уровне являются не только необходимым, но в значительной мере и достаточным условием изменения как макро-, так и микроэкономическую ситуацию в стране.

Основные направления реформы предприятий рассматривались в ряде публикаций (см., напр., Реформирование ..., 1998)

По нашему мнению, главной целью реформы должно стать восстановление баланса в отношениях между участниками функционально-управленческой конфигурации, сближение их интересов с интересами предприятия в целом.

Эта фундаментальная задача требует решения многих других, более частных задач (см. Клейнер, 1999б), из которых хотелось бы выделить сейчас одну, непосредственно связанную с ролью предприятий в формировании среднего класса. Речь идет об условиях карьерного продвижения работников на предприятиях. На первый взгляд представляется, что это – мелкий вопрос, не имеющий существенного значения для подъема экономики по сравнению с такими «чисто рыночными» вопросами, как, скажем, развитие предпринимательства.

Между тем основная масса трудоспособного населения ищет возможности самовыражения отнюдь не в качестве предпринимателей, а в качестве наемных работников. Это значит, что ценности жизненного успеха для них существенно зависят от условий их оценки руководством и продвижения по службе на основе этих оценок. При осуществлении реформы предприятий необходимо сформировать такую систему

управления кадрами (включая прием на работу, аттестацию, стимулирование, выдвижение, наказание, увольнение), такую социальную среду, в которой лица, имеющие потенциально ментальные черты среднего класса, могли бы продвигаться по службе и занять надлежащие должности в рамках предприятия. Несправедливости, допущенные в ходе аттестации, оказывают весьма сильное деформирующее влияние на систему ценностей работников, а при систематическом принятии несправедливых решений соответствующую деформацию претерпевают и ментальные особенности работников. Создание более справедливой системы смогло бы существенно оздоровить обстановку на предприятиях, улучшить их стратегическую эффективность (Дятлов и др., 1999).

В свою очередь, надежное восстановление сбалансированности функционально-управленческой структуры приведет к восстановлению баланса между кратко- и долгосрочными интересами в принятии важнейших решений на предприятии и достижению утраченной целостности объекта. Отсюда недалеко и до восстановления «души» предприятия.

Преобразование предприятий должно включать в себя не только реструктуризацию самих предприятий, но и реформу отношений общества к предприятию. Общество должно осознать ценность предприятия не только как производителя товаров, но и как создателя институтов – столь же необходимого ресурса для жизни общества, как и материальные ценности. В частности, институтов, реализующих стабилизацию общественного развития, целенаправленность движения общественной мысли.

Литература

- Аврамова Е., Овчарова Л.* Финансовый кризис августа 1998 г.: выдержал ли удар средний класс России? // Вопросы экономики, 2000, №1.
- Бенам А., Бенам Л.* Права собственности в переходной экономике: комментарии по поводу того, что знают экономисты. // Экономическая наука современной России, 1999, №3.
- Бунин И.* Окаянные дни. – М.: Советский писатель, 1990.
- Гольц Г.А.* Культура и экономика: поиск взаимодействия. // Общественные науки и современность, 2000, № 1.
- Гребенников В.Г.* Ассоциации на пройденные темы. // Экономическая наука современной России, 1998, № 1.
- Дятлов В.А., Качалов Р.М., Клейнер Г.Б.* Многоуровневая система аттестации кадров. // Газовая промышленность, апрель 1999.
- Клейнер Г.Б.* Реформирование предприятий: возможности и перспективы. // Общественные науки и современность, 1997, № 3.
- Клейнер Г.* Управление корпоративными предприятиями в переходной экономике. // Вопросы экономики, 1999, № 7 (а).
- Клейнер Г.Б.* Экономика России и кризис взаимных ожиданий. // Общественные науки и современность, 1999, № 1 (б).
- Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. – М.: 1992.
- Нельсон Р., Уинтер С.* Эволюционная теория экономических изменений. – М.: Финстатинформ, 2000.
- Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
- Перотто П.Дж.* Дарвинизм и менеджмент. – Милан: Il Sole «24 Ore», 1990.
- Полтерович В.М.* Институциональные ловушки и экономические реформы. // Экономика и математические методы, 1999, т. 35, № 2.
- Путь в XXI век. Стратегические проблемы и перспективы российской экономики. – М.: Экономика, 1999.
- Реформирование предприятий: концепция, модель, программа. – М.: КОНСЭКО, 1998.
- Рывкина Р.* Постсоветское государство как генератор конфликтов. – М.: СОЦИС, 1999, №5.
- Стиглиц Дж.* Куда ведут реформы? // Вопросы экономики, 1999, № 8.
- Успенский Б.А.* Избранные труды, Т. 1, М.: 1994, с. 220.
- Шпенглер О.* Закат Европы. Том II, Гл. пятая. – М.: Мысль, 1998.
- Эпштейн М.* Русская культура на распутье. // Звезда, 1999, №1.
- Beenham L., Keefer P.* Voting in firms: the role of agenda control, size voter homogeneity. // Economic Enquiry, V.29, 1991.
- Richardson B.* Modern organizations need to operate at all times from a comprehensive strategic management basis // Management Decision, 1995.